

Из истории русского языка

Еще раз о происхождении слова *варежки*

Елена Львовна Березович¹, Надежда Владимировна Кабинина²,

Уральский федеральный университет (Россия, Екатеринбург), berezovich@yandex.ru¹,

nadia.nvklad2010@yandex.ru²

DOI: 10.31857/S013161170007625-6

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена вопросу о происхождении русского слова *варежки*. Этимологическое изучение этого слова насчитывает более ста лет; выдвинуто пять гипотез его происхождения, включая славянскую, финно-угорскую и скандинавскую версии. Поскольку ни одна из них надежно не обоснована, авторы предпринимают попытку собственного анализа и приходят к поддержке этимологической гипотезы М. Фасмера, согласно которой русское *варега*, *варежка* первоначально означало 'варяжская рукавица'. Не объясненное М. Фасмером различие ударения в *варежка* и *варяг* авторы связывают с тем, что заимствование произошло в тот период, когда в древнерусском языке еще сохранялась форма с исходным ударением **váryǫǵ* (из древнескандинавского **váringr*). Развертывая этимологию М. Фасмера с семантической стороны, авторы опираются на ряд фактов, записанных Топонимической экспедицией УрФУ в русских говорах юго-западного Беломорья, где засвидетельствовано противопоставление «русских» и «норвежских» рукавиц. Различие между ними заключается в технике вязки: для изготовления «русских» рукавиц использовался архаичный и достаточно грубый способ вязания одной иглой, а «норвежские» вязались на спицах, что позволяло придать варежке более аккуратную форму и связать резинку на запястье. Полагая, что этими же особенностями отличалась и варежка — «варяжская рукавица», авторы обращаются к вопросу о времени и месте заимствования. На основе совокупности лингвистических, исторических и этнографических данных выдвигается предпо-

ложение о том, что слово *várega*, вместе с обозначаемой вещью, вошло в русский язык около XIII–XIV в. в результате русско-скандинавских торговых контактов в Новгороде или в крупнейшем скандинавском торговом центре того времени — на острове Готланд.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: варега, варежка, варяг, русские говоры, русский язык, скандинавские языки, русско-скандинавские контакты, этимология

для цитирования: Березович Е. Л., Кабинина Н. В. Еще раз о происхождении слова *варежки* // Русская речь. 2019. № 6. С. 58–72. DOI: 10.31857/S013161170007625-6.

благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01-351).

From the History of the Russian Language

Once Again on the Origin of the Word *Варежки* 'Mittens'

Elena L. Berezovich¹, Nadezhda V. Kabinina², Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg),
berezovich@yandex.ru¹, nadia.nvlad2010@yandex.ru²

ABSTRACT: The article discusses the origin of a Russian word *varezhki* (mittens).

The etymology of the word has been studied for more than a hundred years. There exist five hypotheses about its origin, including Slavic, Finno-Ugric and Scandinavian versions. Since none of them is reliably substantiated, the authors endeavoured to conduct their own analysis of the problem. Having analysed all the versions, the authors find M. Vasmer's hypothesis, according to which the Russian *várega*, *váрежка* originally meant 'Varangian gauntlet', the most relevant. However, Vasmer doesn't explain the stress difference in *váрежка* and *варяг*. The authors attribute the stress difference to the fact that the borrowing occurred in the period when the Old Russian language preserved the form of the original stress **váрягъ* (from the Old Scandinavian **váringr*). Developing M. Vasmer's etymological theory from the semantic side, the authors rely on a number of facts recorded by the Toponymic expedition of the Ural University to the South-Western area of

the White Sea. They found out that in Russian dialects of the South-Western area of the White Sea there is an opposition ‘Russian mittens’ and ‘Norwegian mittens’. The difference between them is in the technique of knitting: “Russian” mittens are made using a sewing needle (this method is rough and outdated), while “Norwegian” ones are knitted with two knitting needles, which helps to give the mittens a neat shape and make a rib on the wrist. Believing that *varezhki* — “Varangian gauntlets” — had the same features as Norwegian mittens, the authors turn to the problem of time and place of the borrowing. Based on the complex of linguistic, historical and ethnographic factors it is suggested that the word *váreza*, along with the denoted object, entered the Russian language in the 13th–14th centuries, as a result of Russian-Scandinavian trade contacts in Novgorod or in the largest Nordic trade centre of the time — the island of Gotland.

KEYWORDS: *vareza*, *varezhka* ‘mitten’, Varangian, Russian dialects, Russian language, Scandinavian languages, Russian-Scandinavian contacts, etymology
FOR CITATION: Berezovich E. L., Kabinina N. V. Once Again on the Origin of the Word *Варежки* ‘Mittens’. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2019. No. 6. Pp. 58–72. DOI: 10.31857/S013161170007625-6.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by a grant from Russian Science Foundation, project No. 17-18-01-351 “Contact and Genetic Relations of North Russian Vocabulary and Onomastics”.

1. *Варежки*: этимологическая загадка

Варежки, в отличие от валенок, не прославились в какой-либо известной русской песне, но никто не будет спорить с тем, что в России с ее зимними морозами без варежек не обойтись.

Откуда же взялось слово *váрежки* у русских? Восходит ли оно к праславянскому наследию или было заимствовано? А если заимствовано, то у какого народа, когда? Какую территорию России можно считать «родиной» слова?

Авторы далеко не первые, кто задается подобными вопросами. Нам известны пять гипотез о происхождении слова *váрежки* [см., например: Фасмер 1964: 274; Аникин 2012: 83], однако ни одна из них не имеет полного набора необходимых доказательств.

Между тем как с точки зрения фонетики, так и с точки зрения семантики этими пятью версиями ресурс поисков уже исчерпан. Это означает, что одна из пяти выдвинутых гипотез верна, но в своем обосновании имеет пропущенные звенья.

Какая же?

Чтобы читатель мог размышлять вместе с нами, изложим все имеющиеся этимологии слова *ва́режки* с краткими комментариями к ним.

1. Первую этимологию в 1902 г. предложил славист Г. А. Ильинский, поставив корень *вар-* с польск. *wór* 'мешок' [см.: Фасмер 1964: 274]. Эта гипотеза не лишена оснований в том смысле, что древнейшим прототипом варежки действительно мог быть мешочек, который легко шить из любого материала. Интересно, что такие «мешочки» используются до сих пор — правда, в специальных целях: в качестве массажных рукавиц, варежек для младенцев и некоторых больных. Польское слово является исконным славянским, восходит к праслав. диал. **vořь* 'мешочек', которое образовано от глагола **verti* (того же, который «породил» рус. *вертеть*), имеющего в данном случае значение 'завязать'; таким образом, *wór* буквально — «то, что завязано» [Boryś 2005: 709]. Слабое звено этой версии в том, что в польском языке нет собственно слова «варежка» (производного от *wór* с этим значением). Получается, что русский язык заимствовал из польского только производящую основу, и причины такого заимствования неясны. Более того, «варежек» вообще нет в славянских языках, где представлены следующие основные обозначения этого предмета: укр. *рукавиці*, белорус. *рукавіцы*, польск. *rękawiczki*, чеш. *rukavice*, словацк. *palčičky*, болг. *ръкавици без пръсти*, с.-хорв. *миттенс*, макед. *белезници* (как видим, вместо «варежек» чаще всего выступают «рукавицы»). Единственная фиксация «варежек» за пределами русского языка имеется в белорусском (в формах *варыжкі*, *варажкі*), но этимологи считают это русским заимствованием [Мартынаў (рэд.) 1980: 69].

2. Обычно подобная ситуация свидетельствует о том, что слово является результатом контактов русских с неславянскими народами. Поэтому неудивительно, что финский лингвист Я. Калима выдвинул предположение о происхождении *ва́рега* (> *ва́режка*) из *вачега* 'рабочая рукавица', которое заимствовано из саамского *va'tts* 'суконная рукавица с одним пальцем' [см.: Фасмер 1964: 280]. Саамское слово, в свою очередь, заимствовано из скандинавских языков [Матвеев (ред.) 2004: 69–71].

Эта этимология, однако, встречает непреодолимое препятствие — невозможно объяснить фонетический переход *ч > р*, он не засвидетельствован ни в одном другом примере. Да и с «вещественной» стороны все не просто: варежки (вареги) и вачеги, конечно, схожи, но до сих пор по всей России они хорошо различаются: вачеги — это исключительно рабочие, «грубые» рукавицы, а вареги / варежки — либо «теплое» нижнее дополнение к вачегам, либо просто вязанные рукавички.

3. М. Фасмер выдвинул гипотезу о том, что рус. *ва́рега*, *ва́режка* этимологически связано с *варя́г* и первоначально означало 'варяжская рука-

вица' [Фасмер 1964: 274]. В каких условиях образовалось слово и почему вместо закономерно ожидаемого *варя́га* / *варя́жка* получилось *ва́режка*, Фасмер не объясняет.

4. Н. М. Шанский видел в слове *ва́рега* суффиксальное производное от др.-рус. *варѣ* 'защита', образованного, в свою очередь, от глагола *ва́рити* 'защищать, охранять, беречь, предупреждать' [Шанский 1968: 19–20]. Главным препятствием для этой этимологии является отсутствие в исконной древнерусской словообразовательной системе предметного суффикса *-eg(a)*: он известен только в диалектах Русского Севера как результат сравнительно поздней адаптации финалей отдельных лексем, заимствованных из финно-угорских языков.

5. Это же обстоятельство не позволяет принять этимологию В. Я. Дерягина, который связывает *ва́рега* с глаголом *варить* 'кипятить' [Люстрова, Скворцов, Дерягин 1976: 39]. По законам русского языка от этого глагола через причастную форму *ва́ренный* / *варённый* должно получиться *ва́ренки*, *варёнки* (ср. позднейшее *джинсы-варёнки*) или *ва́ренцы* и т. п., но не *ва́реги*. Семантическая же сторона этой этимологии приемлема и даже симпатична: если шерстяные варежки «сварить», то они, как любое изделие из шерсти, «сядут», т. е. станут более плотными и теплыми, а для варежек это важно.

Итак, все этимологии под вопросом. Что же делать?

Попробуем начать все сначала.

2. Поиск с «начала»

Согласно фонетическим и словообразовательным законам русского языка, *ва́режка* должно происходить от *ва́рега* или *ва́рьга* — как *тележка* от *телега*, *денежка* от *деньга* и т. п.

В этимологическом поиске приоритет, безусловно, следует отдать слову *ва́рега*, которое, в сравнении с *ва́рьга*, более широко известно в русских говорах и значительно раньше фиксируется в письменных документах. Фонетически *ва́рьга* хорошо объяснимо из *ва́рега* как результат редукции и последующей диерезы заударного 'е.

Слово *варега* впервые засвидетельствовано 450 лет назад — в 1579 г., в письме крестьян села Хрепелево к Ивану Грозному. В нем описывается разграбленное имущество жителей села и находящегося рядом Покровского девичьего монастыря. Грабители (кстати, крестьяне ближних сел — такие «соседские» набеги нередко случались на Руси) поживились на славу: список похищенного занимает почти две страницы. Тут и «двое жеребят Нагайские да три кобылы Немецкие», и «однорядка синя Аглинская», и «ножи Угорские кости рыбей», и «ферези лазоревы Аглинские», и «седла

Нагайские и Ляцкие», и еще много всего, в том числе «**пятеры рукавици с варегами**» [АЮ: № 46; Срезн. Доп.: 29–30]. С воровством, хотя и не разбойным, связана и следующая по времени фиксация слова в 1673 г.: «вор Савка из избы ж вынес... подклад овчинной, да рукавицы барановые **с исподницы с вареги**» [Бархударов (гл. ред.) 1975: 19] (т. е. рукавицы вместе с надевавшимися под них варежками).

Интересна география этих самых ранних фиксаций слова. В первом примере это бывший Шуйский уезд Владимирской губернии (ныне центральная часть Ивановской области), во втором — Холмогорский уезд Архангельской губернии, удаленный от Иваново на тысячу километров.

Несмотря на малочисленность ранних примеров, такой географический разброс говорит о том, что в XVI–XVII вв. слово *варега* было уже достаточно хорошо известно на Руси. Об этом же свидетельствуют и относящиеся к XVI в. новгородские фиксации слова *варежник* в значении «мастер по изготовлению варег», причем (!) *варежник* не отождествляется с *рукавичником* — мастером по изготовлению рукавиц, ср.: «А двор пуст Сенкинской **рукавичника** да Софроновской **варежника**» (Новгородская писцовая книга, 1584 г.) [Бархударов (гл. ред.) 1975: 19]¹.

Приведенные материалы позволяют заключить следующее.

- Слово *варега* появилось в русском языке не позднее середины XVI в. (фактическую раннюю границу по данным словарей определить, конечно, нельзя). Это не означает, что до появления слова *варега* наши предки выходили на мороз с голыми руками — у них была «одежда» для рук, именуемая исконным славянским словом *рукавицы*. Были, по-видимому, и разновидности этой «одежды», в том числе *исподницы*, надевавшиеся для утепления с «испода», то есть снизу, под верхнюю рукавицу.

- В XVI–XVII вв. вареги представляли собой разновидность исподниц. От их традиционных видов вареги, видимо, отличались какими-то особенностями, в том числе и потому, что их изготовлением занимались особые мастера — *варежники*. Сам факт существования этой профессии говорит о том, что далеко не каждый наш предок мог изготовить вареги: для этого нужно было владеть особой технологией, знать ее секреты и тонкости.

- Вареги достаточно высоко ценились: в Древней Руси их крали наряду с дорогими, в том числе заморскими, вещами. Неудивительно, что настоящие вареги, видимо, долгое время были роскошью для бедняков, о чем говорит пословица «Нужда рукавицу с варьгой сроднила» [Даль 1: 165] (т. е. так беден, что имеет только рукавицы).

¹ Ср. также: *Богдан Тимофеев сын, варежник* (1592 г., Новгород) [Срезн. Доп.: 30]. От профессиональных прозвищ *варежник* и *рукавичник* в России остались следы в виде фамилий *Варежников* и *Рукавичников* (*Рукавишников*). Первая из них более редка.

Все это — вместе с отсутствием похожего слова в лексике других славянских языков — позволяет обозначить два очень важных для этимологии обстоятельства. Во-первых, *варега* появилось в русском языке как название новой, «неисконной» (заимствованной) вещи, отличающейся от «русских» рукавиц какими-то значимыми деталями. Во-вторых, зона влияния языка-источника даже в XVI–XVII вв. охватывала лишь часть восточнославянского ареала, а именно новгородские и московские земли, включая исторические владения Новгорода и Москвы на Русском Севере. Понятно, что ранее указанного времени эта зона могла быть еще более узкой.

Это, в свою очередь, очерчивает для слова *варега* основной круг возможных языков-источников (балтийские, финно-угорские, германские) и самое раннее возможное время его вхождения в русский язык — середина XII в.: закат Киевской Руси и перемещение центра русской жизни в Новгород.

На этой основе попробуем вновь обратиться к возможным языковым источникам слова *варега*.

Балтийских этимологий для него не предлагалось, не нашли их и мы.

«Саамская» версия Я. Калимы (рус. *váreги* < саам. *vácheги*) не обнаружила в нашем поиске ни к а к и х возможностей серьезной лингвистической или этнографической аргументации — в эту версию можно разве что «верить». Не прослеживаются истоки слова и в других финно-угорских языках — финском, карельском, вепском и др., однако в связи с этимологией Я. Калимы еще раз отметим интересную «ниточку», ведущую русское *вачеги* ‘рабочие рукавицы’ от саамского языка к языкам Скандинавии. К ним же, добавим, восходит и слово *вóтты* ‘привозные из Норвегии шерстяные вязаные рукавицы’, засвидетельствованное в XIX в. в кемских и кольских говорах Беломорья [Подвысоцкий 1885: 22] (ср. норв. *vottar* ‘варежки, рукавицы’, др.-исл. *vottr*, швед. *vante*, ниж.-нем., нидерл. *want* ‘рукавица’ [Аникин 2014: 318]). Позднее след слова *вóтты* теряется, однако у нынешних жителей нижнеонежской зоны Беломорья до сих пор известен вид рукавиц под названием *норвѣжские дельницы* [КСГРС]. Итак, по крайней мере у архангельских поморов «скандинавские» рукавицы с давних времен, что называется, пользовались спросом.

Это может считаться хорошим аргументом в пользу этимологической гипотезы М. Фасмера — ведь именно жителей Скандинавии в Древней Руси называли *варягами*. Однако, как уже говорилось, эта гипотеза не объясняет, почему и как от слова *варяг* образовалось не *варяга*, а *варега*. Для сравнения приведем такой факт: в кругу современной молодежи, увлекающейся средневековой европейской историей и играми в варягов / викингов, бытует совершенно «правильное» слово *варяжки*, называющее,

правда, не рукавицы, а кожаные ботинки с узким ремешком на голени («ботинки варягов»).

Попробуем поразмышлять об этой фонетической проблеме.

Начнем с того, что смещение ударения в том или ином русском слове не является чем-то невозможным, однако для этого должен существовать достаточно сильный фактор — например, влияние другого языка. Так, под воздействием французского языка, в котором ударение всегда падает на последний слог слова, дети русских дворян обращались к отцу *naná* вместо *nána*. Еще более яркий пример — повсеместное произношение *ру́чей* (при общерусском *ручѐй*) в говорах Русского Севера, которое обычно объясняется влиянием аборигенных финно-угорских языков с характерным для них ударением на первом слоге.

Другой причиной смещения ударения может быть влияние похожих слов или омонимов, с которыми данное слово связано «бытийными» отношениями. В случае со словом *váregi* такое влияние вполне можно заподозрить — со стороны слов *vácegi*, *válenki*, а в говорах Русского Севера есть, например, еще и *várega* (уменьш. *váreжка*) в значении 'сплетенная из дранки решетка, предназначенная для сушки чего-либо' [Матвеев (ред.) 2002: 26]².

В нашем случае, однако, названные причины следует считать дополнительными, а основная причина видится в другом.

В статье, посвященной этнониму *варяг*, М. Фасмер, со ссылкой на исследование финского слависта В. Кипарского, упоминает о «старом ударении» слова [Фасмер 1964: 276]. Он не развивает эту тему, однако в качестве древнескандинавской праформы указывает **váringr* (от *vár* 'верность, порука, обет'), а в числе иноязычных отражений этого слова приводит др.-греч. *βάρραγας*. Тем самым очевидно, что исходная древнескандинавская лексема имела ударение не на втором, а на первом слоге, и, естественно, именно с такой позицией ударения должна была отражаться — по крайней мере первоначально — в воспринимающих языках.

Это ведет к предположению о том, что и в древнерусском языке древнескандинавское **váringr* сначала адаптировалось как **váрегъ* с носовым *ѣ* во втором слоге, а после утраты древнерусским языком носовых гласных, т. е. около IX–X в., закономерно приобрело форму **váрягъ*.

До падения редуцированных гласных (XII — нач. XIII в.) эта форма могла вполне хорошо сохраняться, однако после окончательной утраты *ѣ* и *ь*, имевшей для русского языка поистине колоссальные последствия, она стала «неудобной», поскольку финаль *-ягъ* фонетически сблизилась с исконным суффиксом лица *-ак/-як*, который всегда несет на себе ударение

² Этимомом для *várega* 'решетка из дранки' является приб.-фин. *varras* 'жердь, жердочка, колышек, палочка' [Матвеев (ред.) 2004: 59].

(ср. *дурáк*, *простáк*; *моря́к*, *скорня́к* и т. п.). Не могли поддержать форму **вáрягъ* и исконно русские слова с экспрессивным суффиксом лица -яг-, который также всегда «тянет» ударение на себя (ср. *бедня́га*, *бродя́га* и т. п.).

В такой «внутриязыковой» ситуации первоначальное (**вáрегъ*) **вáрягъ* с ударением на первом слоге выжить не могло, однако в истории Руси наверняка был хотя бы небольшой период, когда формы с разным ударением сосуществовали.

В наши дни, по прошествии почти тысячи лет после рассматриваемых процессов, обнаружить даже слабые следы этого сосуществования было бы чрезвычайным везением. Но такие следы есть!

Наиболее отчетливый из них — названия варежки в русских говорах двух соседних территорий северной России: Терского берега (Кольский полуостров) и Беломорской Карелии. Здесь параллельно существуют сразу три фонетические формы: *вáрега*, *вáряга* и *варя́га* [Герд (гл. ред.) 1994: 162]. Другой ряд фактов, свидетельствующих о вероятной связи слов *варега* и *варяг*, — обозначение варежки словом *вáряга* (не *вáрега*!) в вологодских, олонецких и нижегородских говорах и словом *варя́га* в тверских говорах [Филин (гл. ред.) 1969: 64].

Тем самым в слове *вáрега* сдвиг ударения, вероятно, в о б щ е н е п р о - и с х о д и л — оно попросту могло возникнуть в то время, когда была еще жива исходная форма **вáрягъ*. Если это так, то в дальнейшей судьбе слова нет уже ничего загадочного: **вáрягъ* > *вáряга* / **вáряжка*, а далее *вáрега* / *вáрежка* в силу неразличения фонем 'а и 'э в заударной позиции.

В итоге, как это нередко бывает, исторические звуковые процессы привели к разрыву смысловых связей между словами **вáрягъ* / *варя́г* и *вáрега*, *вáрежка*, и лишь некоторые говоры сохранили переданную по традиции «фонетическую память» о родстве этих слов.

3. О «русских» и «варяжских» рукавицах

Замечательный австрийский филолог Г. Шухардт, основатель знаменитой школы «слов и вещей», более ста лет назад писал о том, что собственно лингвистическое изучение слов должно вестись совместно с изучением истории «вещей», называемых этими словами, — только таким образом становятся полнокровными как лингвистические, так и этнографические трактовки того или иного «веще-слова» [см. Шухардт: 280].

Этот идеал, к сожалению, далеко не всегда достижим, но все же попробуем рассмотреть *варежки* в «вещественно-этнографическом» ключе. Как уже говорилось в разделе 2, вареги чем-то отличались от традиционных русских рукавиц — как верхних, так и нижних, «исподних».

Но в чем состояло это отличие?

На наш взгляд, приблизиться к разгадке этого секрета позволяют материалы, недавно собранные Топонимической экспедицией УрФУ в Архангельском Беломорье.

Эта территория северной России издавна была местом русско-скандинавских и — шире — русско-германских контактов. В беломорских говорах до сих пор бытует значительное количество заимствований из скандинавских языков (сведения о них наиболее полно представлены в [Ивашова 1999]), а в рассказах поморов Скандинавия, включая самую далекую Норвегию, рисуется как «соседняя» земля: «Норвега от нас недалеко... Норвега за поворотом моря» [КСГРС].

Именно здесь, в Беломорье, в нынешнем Онежском районе Архангельской области, обнаружилось противопоставление «русских» и «норвежских» вязаных рукавиц, называемых в местных говорах общим словом *дельницы*: «Норвежские дельницы с резинкой были, привозные, а русские свои, без резинки» (д. Каска); «Русские рукавицы у нас от бабушки, они без резинки. Вот у этих резинку после мама довязала» (д. Пачепельда); «Русские дельницы были <варежки>, русские носки, русские чулки. Они без резинки» (с. Ворзогоры); «У нас были всякие дельницы — норвежские и русские. Норвежские привозили от норвегов» (д. Большой Бор) [КСГРС].

При анализе этих контекстов, удаляясь от чисто лингвистических рассуждений о судьбе древнерусских носовых и редуцированных, мы оказываемся в сугубо «вещной» области — в области вязания, известного с давних времен у самых разных народов.

Как установлено в историко-этнографических исследованиях³, на европейском Северо-Западе самой «старинной» техникой вязания небольших изделий — варежек, носков, чулок — было вязание одной иглой (плоской спицей с ушком). Эта архаичная техника исстари бытовала в Англии, Германии, Норвегии, Швеции, Дании, Финляндии, России. В странах Скандинавии она доныне известна как редкое искусство *naalbinding*, а в северной России одной иглой вязали вплоть до самого недавнего времени, ср.: «Русьски исподки одной иголкой вяжут» [Матвеев (ред.) 2009: 347], «Делёнки <варежки> русские на одной иголке вяжутся» [Гецова (ред.) 1999: 440], «Мамушка русские дельницы вязала одной спицей, они толсты, толще долони» [Герд (гл. ред.) 1994: 447] и др.

Сходство этого старинного «одноигольного» способа у разных народов вряд ли следует объяснять процессами заимствования. Оно, скорее,

³ Авторы этой статьи, к сожалению, не являются специалистами по вязанию. В данном разделе мы опираемся главным образом на два замечательных исследования: Н. Зиборева «Изготовление тканей в Северной Европе в IX–XI веках» [https://www.simvolika.org/article_001.htm] и Е. Чундискова «История развития вязания спицами в Европе до XIX века» [<http://pikoclub.ru/stati/istoriya-razvitiya-vyazaniya-spitsami-v-evrope-do-19-v/>]. Ссылки на другие источники указываются особо.

типологическое — там, где мужчинам приходилось вязать сети и силки для ловли рыбы и птиц, закономерно должно было развиваться и более сложное искусство вязания предметов одежды вроде варежек или носков. Простор для творчества здесь довольно большой: при помощи иглы с ушком возможно около 30 вариантов вязки!

Если говорить о старых русских фактах, то с помощью «одноигольной» техники связан, по-видимому, найденный археологами знаменитый «пронский носок» (Рязанская область), датируемый XI–XII вв., а также датируемая XIV в. варежка, найденная в 2018 г. при раскопках древнерусского поселения на острове Вёжи в Костромской области⁴.

При всем разнообразии «вариантов» варежки и носки, связанные иглой с ушком, обладают одним общим свойством: они имеют прямую или слегка коническую форму, т. е. достаточно свободно держатся на руке или ноге (см. рис. 1). Это объясняется тем, что одной иглой практически невозможно связать эластичную резинку — для нее нужно как минимум три спицы, а лучше четыре или пять.

Рис. 1. Варежки, связанные одной иглой

Fig. 1. Mittens made with one knittle

Рис. 2. Варежки с «норвежским» узором, связанные на спицах

Fig. 2. Mittens with a "Norwegian" pattern, knitted

Соответственно, напрашивается предположение о том, что народы Скандинавии раньше, чем русские, освоили технику вязания спицами: только с их помощью можно «вывязать» резинку, которая хорошо держит варежку на руке — к тому же варежки, связанные на спицах, более эластичны и лучше облегают ладонь.

⁴ Увидеть фотографии этих археологических находок и больше узнать о них читатель может на сайтах <https://gorod.tomsk.ru/index-1352997842.php> («пронский» носок) и <https://www.rgo.ru/ru/article/my-smogli-dobratsya-do-xiv-veka-molodye-arheologi-mechtayut-pokazat-ostrov-vezhi-turistam> («костромская» варежка).

В Западной Европе история вязания спицами ведет свое начало с XII–XIII вв. По-видимому, в Скандинавии — самой холодной части континентальной Европы — искусство вязания на спицах совершенствовалось особенно быстро, достигнув своей вершины в XIX в. в изделиях с прославившимся на весь мир «норвежским узором» (см. рис. 2). Интересно, что и в наше время скандинавские страны держат мировое первенство по производству теплой одежды, в том числе армейских, спортивных, рыбацких, охотничьих и иных рукавиц.

Наша же исконная «русская» рукавица, думается, долгое время оставалась простой — связанной одноигольным способом без резинки и несколько грубоватой. Ее «свободный» характер народ по-своему отразил в пословице «Жена не рукавица, с руки не скинешь». Заметим, что наши информанты считают более удобной для работы «русскую» рукавицу: «В снегу торбаешься, рука мокрая, не запихаешь, если дельница <варежка> с резинкой» (с. Ворзогоры) [КСГРС]. Показательно, что противопоставление «русских» и «чужеземных» рукавиц фиксируется не только у поморов, но и в Поволжье, Прикамье, во Владимирской губернии — и в оппозиции «русским» рукавицам выступают еще «панские» (см. об этом в [Березович 2019: 90–91]).

В итоге, согласно нашей «вещественной» гипотезе, около XIII–XIV вв., благодаря контактам с народами Скандинавии, в русский быт вошла *váryaga / váreaga* — вязанная на спицах «варяжская рукавица» с резинкой на запястье. Сначала она пригодилась как «исподница» для рабочих рукавиц, потом — как более изящная, в сравнении с «русской», обиходная рукавичка: в ней, не надевая грубых верхних рукавиц, в некрепкий мороз можно было сходить за водой на колодец, прийти на свидание или на сельский праздник.

Со временем секретами вязки на спицах овладели и русские мастера, появилась даже профессия *варежник*, а еще позднее техникой вязания спицами овладели и женщины. Это сделало варежку вполне привычным предметом русского быта и внесло свою лепту в смысловой разрыв между словами *варежка* и *варяг*.

В заключение попытаемся ответить на вопрос о том, на какой территории древних русско-скандинавских контактов могло произойти заимствование.

Противопоставление «норвежских» и «русских» рукавиц, ставшее ключом к нашим догадкам, засвидетельствовано только в Беломорье. Тем самым, казалось бы, все просто: именно сюда, в Беломорье, варяги первоначально и попали из Скандинавии, подобно более поздним вачегам, воттам и норвежским дельницам (см. раздел 2). Об этом же как будто говорят слова одного из наших информантов: «Мы с Норвегой всю жисть

торговали, возили туда смолу, дерево, картошку, а оттуда всякое железо — топоры, косы, ножницы, посуду, одежду непромокаемую» [КСГРС].

Но здесь, конечно, возникает вопрос: а сколько это — «всю жисть»? С чисто исторических позиций мирные торговые отношения Беломорья и Скандинавии насчитывают не более четырех с половиной столетий, причем расцвет этой торговли, когда начался интенсивный обмен выше-названными и другими товарами, стал возможен лишь в XVII в.⁵

Между тем, как отмечено в предыдущем разделе, 450 лет назад слово *вареги* было уже известно в центре России — во Владимирской губернии и Новгороде, тогда как в Беломорье оно фиксируется на столетие позже. Поэтому, как бы ни любили авторы Беломорье, где не раз бывали в диалектологических экспедициях, считать эту территорию местом заимствования слова *варега* нельзя — просто здесь, на «краю» русской земли, лучше, чем на других территориях, сохранилась память о различиях между «своим» и «заморским».

Гораздо более вероятно, что *варега*, вместе с самой вещью, было заимствовано в процессе более ранних (начиная с XII в.) новгородско-скандинавских контактов, когда расширились торговые связи Руси через Балтийское море. Главным центром русско-скандинавских отношений в это время становится Новгород, причем торговля со скандинавами велась как в самом Новгороде (здесь еще в XI в. появился торговый двор для скандинавских купцов), так и на знаменитом острове Готланд в Балтийском море близ Швеции⁶. Одно из этих мест и является, по-видимому, «родиной» слов *варега*, *варежка*.

Источники

АЮ — Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1838. 509 с.

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. СПб.; М.: Изд. М.О. Вольфа, 1880–1882 (1989).

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

⁵ См.: *Шрадер Т. А.* С торгов в Норвегу (поморская торговля как фактор взаимовлияния культур) // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН [http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-187-9/978-5-88431-187-9_21.pdf].

⁶ См.: *Свердлов М. Б., Шаскольский И. П.* Культурные связи России и Швеции в IX–XVI веках [<http://ulfdalir.ru/literature/735/794> <http://ulfdalir.ru/literature/735/794>].

Подвысоцкий 1885 — *Подвысоцкий А. О.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1885. 1022 с.

Срезн. Доп. — *Срезневский И. А.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. Р-Я и дополнения. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1912. 1967 с.

Литература

- Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 6. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 368 с. Вып. 8. М.: Институт русского языка им В. В. Виноградова РАН, 2014. 352 с.
- Бархударов С. Г.* (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII веков. Т. 2. М.: Наука, 1975. 319 с.
- Березович Е. Л.* К реконструкции образа германского мира в языковом сознании архангельских поморов // Антропологический форум. 2019. № 42. С. 70–108.
- Герд А. С.* (гл. ред.). Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. Вып. 1. 512 с.
- Гецова О. А.* (ред.). Архангельский областной словарь. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. Вып. 10. 479 с.
- Ивашова Н. М.* Западноевропейские заимствования в говорах Русского Севера: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 1999. 294 с.
- Люстрова З. Н., Скворцов Н. И., Дерягин В. Я.* Беседы о русском слове. М.: Знание, 1976. 144 с.
- Мартынаў В. У.* (рэд.). Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск: Навука і тэхніка, 1980. Т. 2. 344 с.
- Матвеев А. К.* (ред.). Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. Вып. 1. 142 с.
- Матвеев А. К.* (ред.). Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. Т. 2. 292 с. Т. 4. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 358 с.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Наука, 1964. Т. 1. 573 с.
- Филин Ф. П.* (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1969. Вып. 4. 355 с.
- Шанский Н. М.* Этимологический словарь русского языка. Вып. 3. М.: Московский университет, 1968. 284 с.
- Шухардт Г.* Извлечения из книги «Избранные статьи по языкознанию». Вещи и слова // Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX веков. Сост. В. А. Звегинцев. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1950. С. 279–287.
- Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wyd. Literackie, 2005. 862 s.

References

- Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian etymological dictionary]. Iss. 6. Moscow, Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2012. 368 p. Iss. 8. Moscow, Vinogradov Russ. Lang. Inst. RAS Publ., 2014. 352 p.
- Barkhudarov S. G. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Iss. 2. Moscow, Nauka Publ., 1975. 319 p.
- Berezovich E. L. [Toward a reconstruction of the image of the German world in the linguistic consciousness of Arkhangelsk Pomors]. *Antropologicheskii forum*. 2019, no. 42, pp. 70–108. (In Russ.)
- Boryś W. *Stownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological dictionary of the Polish language]. Kraków, Wyd. Literackie Publ., 2005. 862 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1964. Vol. 1. 573 p.
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. Iss. 4. 355 p.
- Gerd A. S. (ch. ed.). *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent areas]. St. Petersburg, S.-Peterburg St. Univ. Publ., 1994. Vyp. 1. 512 p.
- Getsova O. A. (ed.). *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary]. Moscow, Moscow Univ. Publ., 1999. Iss. 10. 479 p.
- Ivashova N. M. *Zapadnoevropeiskie zaimstvovaniya v govorakh Russkogo Severa: dis. ... kand. filol. nauk* [Western European borrowing in the dialects of the Russian North: Dr. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, Ural State Univ., 1999. 294 p.
- Lyustrova Z. N., Skvortsov N. I., Deryagin V. Ya. *Besedy o russkom slove* [Conversations about the Russian word]. Moscow, Znanie Publ., 1976. 144 p.
- Martynav V. U. (ed.). *Etymalogichny sloŭnik belaruskai movy* [Etymological dictionary of the Belarusian language]. Minsk, Navuka i Tekhnika Publ., 1980. Vol. 2. 344 p.
- Matveev A. K. (ed.). *Materialy dlya slovaryia finno-ugro-samodiiskikh zaimstvovanii v govorakh Russkogo Severa* [Materials for the dictionary of Finno-Ugric-Samoyed borrowings in the dialects of the Russian North]. Ekaterinburg, Ural. Univ. Publ., 2004. Iss. 1. 142 p.
- Matveev A. K. (ed.). *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of dialects of the Russian North]. Ekaterinburg, Ural. Univ. Publ., 2002. Vol. 2. 292 p. Vol. 4. Ekaterinburg, Ural. Univ. Publ., 2009. 358 p.
- Shanskii N. M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Iss. 3. Moscow, Moscow Univ. Publ., 1968. 284 p.
- Shukhardt G. [Extracts from the book "Selected Articles on Linguistics". Things and words]. *Khrestomatiya po istorii yazykoznaniya XIX–XX vekov* [A reader on the history of linguistics of the 19th – 20th centuries]. Comp. V. A. Zvegintsev. Moscow, State Student-ped. Publ. House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1950, pp. 279–287. (In Russ.)